

Константин Масальский

СТРЕЛЬЦЫ

Москва, 2017

УДК 82-311.6

ББК 84-4

МЗ1

Масальский, К. П.

МЗ1 Стрельцы / К. П. Масальский. – М. : Т8RUGRAM, 2017. – 328 с.

ISBN 978-5-521-05207-3

Захватывающий исторический роман «Стрельцы» известного писателя XIX века К. П. Масальского (1802–1861) мгновенно переносит читателя в атмосферу стрелецких бунтов и Хованщины – важнейший для России период выбора между патриархальной стариной и резким взлетом радикальных петровских реформ, когда Царевна Софья и царь Пётр вынуждены не просто считаться со стрелецким войском, но даже бояться его. Роман написан богатым образным языком, а главные герои, вовлечённые в хитросплетение судьбоносных событий, оставят неизгладимый след в душе каждого читателя.

УДК 82-311.6

ББК 84-4

ВІС НВТ

BISAC FIC014000

ISBN 978-5-521-05207-3

© Т8RUGRAM, оформление, 2017

Содержание

Предисловие	7
Часть первая	14
Часть вторая	71
Часть третья	139
Часть четвертая	240

*Должно знать, как искони мятежные
страсти волновали гражданское общество
и какими способами благотворная власть
ума обуздывала их бурное стремление, чтобы
учредить порядок, согласить выгоды людей
и даровать им возможное на земле счастье.*

Карамзин

Предисловие

Действие в сем романе начинается со вступления на престол Петра Великого и продолжается до заключения в монастырь царевны Софии Алексеевны (1682–1689). Время сие представляет ряд событий, принадлежащих, без сомнения, к числу самых занимательных в истории нашего отечества.

Сочинитель хотел в форме романа представить сии события со всею возможною подробностью и верностью, держась не столько повествовательного, сколько драматического способа изложения. В повествовании, сколь бы оно ни было совершенно, мы слышим рассказ автора, разделяем с ним его мысли и чувствования. В драме мы видим самые лица, действовавшие во время события, узнаем характер их и страсти, намерения и желания, добродетели и пороки не из рассказа, а из слов и поступков их. Мы становимся сами свидетелями минувшего, живее желаем успеха добродетельному, сильнее чувствуем отвращение к злодею, яснее усматриваем странности, предрассудки и слабости прошедшего века, сильнее ужасаемся преступлений и удивляемся подвигам, одним словом, сами переносимся в прошедшее и живем с нашими предками.

История сделалась бы еще занимательнее, если б драматический способ изложения был для нее возможен. Но историк может только вложить в уста своих героев такие слова, которые сохранились в летописях или в других исторических актах, хотя часто слова сии принадлежат летописцу, а не герою; должен соображать исторические материалы, часто одни другим противоречащие, и, освещая мрак прошедшего светильником исторической критики, говорить читателю: так было или так должно было быть. Для него необходим слог повествовательный, коего главные достоинства суть сила и краткость. Чем более расскажет он важных и замечательных происшествий и чем короче будет рассказ его, тем большую он окажет услугу читателю. Представляя картину целых веков и тысячелетий, он по необходимости должен упускать подробности, часто весьма

занимательные и любопытные, дабы не быть принужденным написать вместо одного тома десять. Подробности сии суть сокровища для исторического романиста.

В четырех томах историк опишет четыре века, а романист — четыре года или даже месяца, и никто ему слова не скажет, если только книга его приятна и заманчива. Историк, имеющий цель высшую, а не одно удовольствие читателей, часто обязан описывать события, мало занимательные, но важные по своим последствиям. Романист имеет полное право умолчать об оных и рассказать подробно только то, что может приятно занять читателя. Историк открывает истину в прошедшем, вечные законы, управляющие миром, и созерцает события, как философ, заботясь не столько об удовольствии, сколько о поучении читающих. Исторический романист старается представить прошедшее в заманчивом и привлекательном виде и заботится преимущественно об удовольствии читателей, не выставляя слишком явно философическую или поучительную цель, которая должна быть и в романе.

Однако ж романист не должен отступать от истины в происшествиях важных. Выводимые им на сцену исторические лица должны говорить и действовать сообразно с их истинными характерами. Слова и поступки их не должны нисколько противоречить истории. Одежда, нравы, обычаи и обряды, состояние религии, нравственности и умственного образования, дух законодательства должны быть романистом представлены в верной картине, которая не отвлекала бы однако ж внимания от хода происшествий. В происшествиях сих должно действовать преимущественно одно главное лицо. Оно может быть вымышленное или историческое.

В последнем случае всего лучше избирать такое лицо, которого судьба достаточно не объяснена историею, дабы читателю не была наперед известна развязка романа. В вымыслах, необходимых для завязки и развязки, должно строго соблюдать правдоподобие и дух времени, которое описывается, и стараться все вымышленные происшествия представлять в связи с истинными, как последствия оных, как подробности, дополняющие и объясняющие повествование истории или по крайней мере ей не противоречащие. Вот мысли, которые сочинитель имел в виду, принявшись за роман.

Справедливы ли они и исполнил ли сочинитель все, самому себе предписанное, — решат критики и просвещенные читатели. Сочинитель слишком далек от того, чтобы мнения свои считать безошибочными и опыты совершенными. Он искренно будет признателен благонамеренной критике, если она укажет ему ошибки в его мнении об исторических романах и недостатки в его сочинении.

Нравственная цель сего романа состоит в том, чтобы представить в верной картине ужасы мятежей и безначалия, вредные последствия насильственных переворотов в государстве, правосудие Провидения, не оставляющего без наказания виновников возмущений, и достойные подражания примеры преданности церкви, престолу и Отечеству.

Дабы не развлекать внимания читателя при чтении романа так называемыми историческими примечаниями, сочинитель ограничился весьма немногими, которые были необходимы для пояснения некоторых мест и старинных выражений в сей книге, и поместил в конце четвертой части указание источников, на коих каждая глава основана, не выписывая однако ж ничего из оных и не показывая своих изысканий и соображений. Для критика легко будет по сим указаниям решить: с достаточным ли старанием и успехом сочинитель употреблял исторические материалы. Но дабы читатели прежде сего решения могли хотя несколько удостовериться, что он не жалел труда и не упускал из вида даже мелочей, достаточно будет привести несколько примеров.

«Деяний Петра Великого» в I части на странице 158 сказано, что в первый бунт стрельцов, начавшийся 15 мая 1682 года и продолжавшийся три дня, убит был в числе прочих бояр князь Михаил Алегукович Черкасский. Сумароков в Описании означенного бунта пишет на странице 31, что князь сей защищал от стрельцов боярина Матвеева, но о смерти его ничего не говорит. А «Древней Российской Вивлиофики» в части VII на страницах 481 и 482 сказано, что 8 июля 1682 года участвовал князь в церковном ходе из Успенского собора к церкви Казанской Божией Матери и сопровождал 13 июля царей Иоанна и Петра Алексеевичей в Троицко-Сергиевский монастырь. Из этого видно, что показание в «Деяниях Петра Великого» о смерти князя неосновательно и что он, вероятно, был только легко ранен:

ибо менее, нежели через два месяца после бунта участвовал уже в церковном ходе.

Сумароков в Описании бунта на странице 22, исчисляя заговорщиков, способствовавших боярину Милославскому к произведению мятежа, называет между прочим Ивана и Петра Андреевичей Толстых, не означая звания их. «В Деяниях знаменитых полководцев и министров, служивших в царствование Петра Великого», во II части на странице 61 сказано, что Петр Толстой служил стольником при царе Феодоре Алексеевиче, а потом комнатным стольником при царе Иоанне Алексеевиче. Так как заговор Милославского произведен в действие после смерти Феодора и до возведения на престол Иоанна, то и видно из сего, что Петр Толстой был в то время стольником. Сверх того «Древней Российской Вивлиофики» в VII части на странице 397 в списках лиц, которые дневали и ночевали в церкви Архангела Михаила при гробнице царя Феодора Алексеевича, показаны в числе стольников Иван и Петр Андреевичи Толстые.

«Древней Российской Вивлиофики» в VII части на странице 386 видно, что 28 апреля в 5 часу дня начался обряд погребения царя Феодора Алексеевича, скончавшегося 27 апреля 1682 года. По свидетельству Маржерета (с. 24), Кемпфера (с. 361) и других иностранцев, писавших о России, предки наши погребали мертвых до истечения 24 часов после смерти, не исключая из сего правила и государей. Посему можно было полагать, что царь Феодор Алексеевич умер 27 апреля, вскоре после 5 часа дня.* Но в томе III «Дополнения к деяниям Петра Великого» на странице 197 напечатана надпись, начертанная на образе, поставленном у гробницы Феодора. Из сей надписи видно, что он умер в 13 часу дня в 1-й четверти. В Объявлении же, напечатанном в «Полном Собрании Законов Российской Империи», в томе II на странице 384 сказано,

* Часы разделялись тогда на дневные и ночные. С восходом солнца начинался 1-й час дня. Счисление дневных часов продолжалось до захождения солнца. После солнечного заката начинался 1-й час ночи. Счисление ночных часов продолжалось до восхода солнца. См. Мейерберга «Путешествие по России». С. 269. (Здесь и далее примечания, кроме перевода иноязычных текстов, К. П. Масальского).